

Е. КУЛЕШОВА

О символике и развязке в сатире Салтыкова-Щедрина «История одного города»

<Фрагменты>

<...> Как известно, сатира теряет со временем свою остроту и актуальность, если она не является высокохудожественным произведением и не отражает универсальные темы. Из всех многочисленных сатир Салтыкова «История одного города» и является бессмертным произведением благодаря своей художественности и идейности, связанной не только с социальной темой, но и с натурой человека вообще. <...> ...имеется с полдюжины различных интерпретаций развязки «Истории...». Если же вникнуть в виртуозность эзоповского языка сатиры, ее символику и основные идеи, то получается единственно возможное толкование аллегорической развязки «Истории...», что в свою очередь, рассеивает «революционный» миф о Салтыкове и его социально-политической сатире.

«Историю одного города» (1869–70) можно без преувеличения назвать сатирической энциклопедией шестидесятых годов прошлого столетия: фоном действия служат такие исторически важные события, как великие реформы, польское восстание, инфляция, пожары и голодовки в стране; проблемы внешней и внутренней политики, вопросы образования, цивилизации, законодательства, книгоиздательства, либерализма и консерватизма в России затронуты и высмеяны в аллегорической форме. Текст сатиры пропитан информацией из журналов, газет и книг того периода. Около пятидесяти имен исторических лиц и современников Салтыкова вкраплены в сатирическое повествование.

<...>

Жало салтыковской сатиры направлено, прежде всего, против человека-автомата, утратившего связь с природными данными своей природы и жизни под влиянием традиций, законов, указов и новых веяний; против человека, превратившегося в марионетку и *глуповца*. <...>

Автоматизм в символике и содержании сатиры связан не только с материалом социально-политических явлений, но и с обобщенной характеристикой глуповцев-обывателей и либеральной интеллигенции. Тема человека-автомата актуальна и универсальна в своей концепции потери человеческого достоинства, духовности, творческих сил, интеллектуального взлета или просто связи с природой. Как уже отмечалось в критике, исторические законы, признаваемые с полной решительностью Салтыковым, сводятся к законам человеческой природы. В этом важном пункте Салтыков следует «социально-биологической мысли всех просветителей»*. Все стороны общественной жизни, по Салтыкову, складывались не произвольно, а в соответствии с достигнутым уровнем господства над природой. Неизбежность «вечных скитаний» человечества объясняется им не непознаваемостью природы, а ее неисчерпаемостью, обусловленной вечным развитием самой природы. В неисчерпаемости природы и попытках овладеть ее тайнами Салтыков видел залог вечного прогресса человечества**.

Общественный прогресс непосредственно связан с самопознанием и «прогрессом» индивидуального человека: не законы или абстрактные идеи, а только внутренне возвышенное содержание человека способно внести улучшения в общественную жизнь. Концепция эта не отличается ни новизной, ни оригинальностью, но важно то, что Салтыков верил в нее всей душой и выразил ее в символической идейности «Истории...». В символике скрыт ключ к пониманию салтыковской сатиры и «идеала», из которого «отправляется творец ее». <...>

Столь «загадочная» концовка сатиры вызвала противоречивые толкования среди дореволюционных и советских критиков. В общей сложности можно выделить два ведущих мнения по поводу аллегорической развязки. Иванов-Разумник***, Эйхенбаум**** и Холшевников***** считают, что после восстания декабристов в 1825 году настало

* Аксельрод-Ортодокс Л. К вопросу о мировоззрении Шедрина // «Литературное наследство», Т. 11–12. С. 538.

** Левита Р. Общественно-экономические взгляды М. Е. Салтыкова-Шедрина. Калуга, 1961. С. 16.

*** Иванов-Разумник. Комментарии // М. Е. Салтыков (Н. Шедрин). Сочинения. Т. I. М., Л., 1926. С. 617.

**** Эйхенбаум Б. Комментарии // М. Е. Салтыков-Шедрин. История одного города. Д., 1935. С. 271.

***** Холшевников В. О развязке «Истории одного города», Ученые записки. Л., Гос. Университет им. А. Жданова. № 229, вып. 30, 1957. С. 298.

оно — реакционное царство Николая I. Яковлев* и такие критики, как Эльсберг, Кирпотин, Бушмин, Покусаев, Макашин, уверены в том, что в развязке «Истории...» зашифрована «революционная аллегория». Даже Фут, современный английский ученый, который написал обзорную статью о существующих толкованиях концовки «Истории...», не сумел внести ничего нового**. <...> ...простая логика подсказывает, что нет смысла высмеивать историю-собственно.

«Революционная аллегория», как говорят, высосана из пальца, а не из текста «Истории...» или творчества сатирика. Салтыков никогда и нигде не проповедовал революцию, а когда его обвиняли в этом, то он вот как отвечал: «Неизменным предметом моей литературной деятельности всегда был протест против произвола, двоедущия, лганья, хищничества, предательства, пустословия и т. д. Ройтесь, сколько хотите во всей массе мною написанного — ручаюсь, ничего другого не найдете» <...> или: «Исследуемый мною мир есть воистину мир призраков... Я понимаю очень хорошо, что, с появлением *солнечного луча*, призраки должны исчезнуть, но увы! я не знаю, когда этот солнечный луч появится» <...>.

Кроме того, в советской критике просто замалчивается отрицательное отношение. Салтыкова к русскому либерализму, которое он аллегорически выразил в своей «Истории...». <...>

Для внимательного читателя, знающего русскую историю, не представляет никакой трудности распознать в салтыковской аллегории всю историю русского либерализма, начиная с Радищева и кончая фюреристами, нигилистами и народниками середины прошлого века. Салтыков бичевал как бюрократов, так и либералов за их ограниченность, автоматизм и незнание России.

Символика «Истории...» многослойна в своей причастности и к сатире-собственно, и к пародии, и к полемике, и к идейности. Такой многослойностью отличаются две аллегорические формулы: *золотой век* и *конец истории*, в которых завуалировано понятие о будущем совершенном обществе по теории утопистов, включая Чернышевского. Тема либерализма в «Истории...» обрамляется этими метафорами: в конце главы «Фантастический путешественник» прямо сказано, что золотой век в Глупове начинается с Бородавкина («Войны за просвещение»); в заключительной же главе тема либерализма

* Яковлев Н. Вступительная статья // М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. М.-Л., 1931. С. 12.

** L. Foote, Reaction or Revolution? The ending of «The History of a Town» Oxford Slavonic Paper, v. 1 (1968), pp. 105–25.

является ведущей и концепция золотого века иронически доводится до кульминационной точки — до конца истории, когда будто бы все проблемы общественной жизни разрешатся. Ясно, что концовка сатиры, помимо всего остального, имеет и полемический оттенок, а в контексте сатирического повествования иллюстрируется весь абсурд утопии по отношению к реальности русской жизни.

Утопист Бородавкин не только вел войны за просвещение, но чуть не построил *фаланстеры* в Глупове. В бредовый же план Угрюм-Бурчеева вкраплен намек на «поселенные единицы» Аракчеева, а описание их соответствует концепции фаланстеров по Фурье. Не только в художественной форме, но и в прямых высказываниях Салтыков отождествлял концепцию фаланстеров с системой крепостного права в России (см. т. 7, стр. 7 и т. 14, стр. 401). Салтыков всегда был против любой «регуляризации» жизни человека, исходящей из мертвых теорий, а не из исторических и природных данных. По Салтыкову, «ошибка утопистов заключается в том, что они, так сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями» (т. 16, стр. 445). Критикуя роман Чернышевского «Что делать?» (1863), Салтыков протестует против «произвольной регламентации подробностей, ...для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных» (т. 6, стр. 326).

Самое унижительное для русских либералов в том, что их деятельность метафорически отождествляется с деятельностью закоренелых бюрократов и фанатических сектантов. Образы градоначальников содержат в себе намеки и на правителей страны, определяющих исторический путь России, и на влиятельных современников сатирика, формирующих мнение массы. Исторические намёки вводятся для того, чтобы указать «корни происхождения» (заглавие одной из глав сатиры) современного зла. Тот же Бородавкин, в деятельности которого высмеивается внутренняя и внешняя политика России во время Крымской войны и 1860-х годов, изображен утопистом и «вольнодумом» (в тексте имеются намеки на Герцена и Огарёва). Этот вольнодум по ночам расклеивает *прокламации о персидской ромашке* («Колокол» Герцена!), а ведь персидская ромашка является средством для уничтожения клопов, блох, тараканов и других насекомых. В главе «Сказание о шести градоначальниках» военные заведения страны редуцированы до унижительного символа «клоповного завода»; «большой блошинный завод» символизирует тюрьму для политических преступников, а «тараканий малый заводец» — Третье Отделение. В символическом контексте понятно, что прокламация

Бородавкина — революционная пропаганда, которая просто недоступна безграмотным глуповцам. Подобный пример имеется в главе «Поклонение Мамоне и покаяние».

Ни один из критиков не удосужился обратить внимание на интереснейший инцидент с книжицей Линкина, озаглавленной «Средства для истребления блох, клопов и других насекомых», за которую его обвиняют в антиправительственной пропаганде. Если рассматривать заглавие книжицы в контексте символики официальных заведений, упомянутых выше, то здесь явный намёк на революционные писания. Однако автор этой книжицы изображён патриотом-фанатиком, выступающим против «польской интриги», что приводит нас к современнику Салтыкова — П. Мельникову, писавшему под псевдонимом Андрея Печерского. После польского восстания и во время руссификации Польши, в 1863 году министр внутренних дел П. Валуев поручил Мельникову написать патриотическую брошюрку под заглавием «О русской правде и польской кривде». Салтыков написал на эту книжицу уничтожающую рецензию, в которой он заклеил фанатический патриотизм и высказал мнение о том, что такого рода писания достигают совершенно противоположной цели в сознании читателей (т. 5, стр. 344–46). Мнение свое Салтыков изумительно виртуозно драматизировал в инциденте с Линкиным. В этой «палке о двух концах» передаётся мысль о тщетности всякого рода пропаганды, основанной на «кривде» по отношению к человеческому достоинству; о неподготовленности народа воспринимать новые идеи — будь они революционными или реакционными.

Из всей массы сатирических замечаний и выпадов против русского либерализма и консерватизма стоит выделить эпоху сентиментального и либерального правителя Грустилова для того, чтобы окончательно убедиться в отрицательном отношении Салтыкова к либеральным тенденциям русской интеллигенции.

Либеральные тенденции глуповского общества связаны с эротическими проявлениями в жизни и литературе или же с мистикой и сектантством, а корни всего идут из либерально-мистической эпохи Александра I. Салтыков бичует *обличителей* (нигилистов), пытающихся опровергнуть авторитет «Платонов и Сократов»; эмансипацию женщин, дошедшую до половой распущенности; «кающихся дворян» за их хлыстовский фанатизм; народников за их «опрочение», лживое и бесцельное; славянофилов за их фанатическую приверженность к старинным традициям русской жизни. Здесь не только высмеиваются такие влиятельные писатели, как Лесков, Боборыкин, Страхов, Аверкиев, и др., но и ведется полемика с идеями Толстого и Достоевского.

Знатные глуповцы, видите ли, поклоняются Перуну, а «смерды» должны приносить жертвы Волосу, покровителю домашних животных. Такие консерваторы, как М. Катков, поют «гривуазные песенки» (неприличные солдатские песни, по-французски), а либералы заняты «комаринской» народной пляской, под мелодию которой Л. Трефолев, поэт некрасовской школы, сочинил чуть ли не революционную песенку в 1867 году, пользующуюся тогда популярностью среди либерально настроенной интеллигенции. Образованные глуповцы приходят в дичайший восторг от представления оперетки Оффенбаха «Прекрасная Елена» — от «выставки голых плеч, страстных взоров, возбудительных телодвижений»; в реальной же действительности эта оперетка шла с большим успехом на сцене Александринского театра зимой 1868–69 годов. Во всем этом сказывается автоматизм, доминируют внешние проявления, а не внутреннее содержание, которое должно было бы руководить действиями человека.

Самобичевание кающихся дворян — «новых людей» — высмеивается Салтыковым остроумно и беспощадно. В сатирическое повествование о либерализме Глупова введен эпизод из модного в то время романа Д. Мордовцева «Новые русские люди» (1868). Кающийся Ломжинов у Мордовцева, как и Грустилов у Салтыкова, приказал своему слуге хлестать себя за грехи своих предков с целью возродиться и «обновиться». Ну и подвиг «нового человека». Кроме самобичевания, глуповский «бомонд» занимается радениями по образу хлыстов, чтобы избавиться от поклонения Мамоне (земным благам) и приобрести духовный взлет. Возрождением духовности в Глупове и культом сектантского духа заведуют юродивые (здесь бичуются как консервативные, так и либеральные направления среди русской интеллигенции).

В заключительной главе, «Подтверждение покаяния. Заключение», салтыковский «смех сквозь слёзы» достигает трагической ноты. В этой главе аллегорически суммируется вся история русского либерализма. В намеках на восстание декабристов, с которого начался «мартиролог» либеральных деятелей, и на погибших борцов за «русскую правду» застыли горькие слезы сатирика. Отрицательное отношение Салтыкова к русскому либерализму отнюдь не делает его врагом либеральных и прогрессивных идей того времени. Он бичевал «прыщей» и «kozyрей» (прозвища, которые он дал псевдолибералам) за их автоматизм в восприятии новых идей, за их лицемерие и самолюбование. Настоящим же борцом за свободу он не мог простить их слепое пристрастие к западным новшествам без знания реальной жизни России.

Кира Санина объективно высказала мысль о том, что Салтыков «отмежеввался» от любого проявления либерализма, практикуемого в России, но до конца своих дней остался верен идеям «теоретического либерализма»*.

Либеральные идеи для Салтыкова принципиально были связаны, прежде всего, с основными концепциями философии просветителей, как уже было отмечено выше; а в этих понятиях русский Свифт распознал искру более древней мудрости и надежду на будущее. К своей первой сатирической повести «Противоречия» (1847), за которую он поплатился ссылкой, Салтыков подобрал такой эпиграф:

Natura duce utendum est: hancratio observat, banc consulit: idem est ergo beate vivere, et secundum Naturam.

Seneca, De vita beata, cap. 8.

В русском переводе это значит: «Надо пользоваться и руководствоваться законами Природы: её созерцает и с нею советуется разум; следовательно: жить счастливо — значит жить сообразно с Природой» (Сенека, О счастливой жизни, гл. 8).

Этот же самый «идеал» подтекстно выражен в «Истории одного города», созданной 23 года спустя. Глуповцы и современники-либералы наказаны сатириком за допускаемое и практикуемое насилие над Природой-матушкой, не говоря уже о России-матушке.

* K. Sanine, *Saltykov-Chtchedrine: sa Vie et ses Oeuvres*, Paris, 1955, p. 312.